

¹ Даниил Леонидович *Андреев* (1906—1959)—второй сын Андреева, художник-оформитель, литератор, редактировал сборник «Реквием» (1930); участник Великой Отечественной войны; автор (совместно с С. Н. Матвеевым) книги «Замечательные исследователи Средней Азии» (Географгиз, 1946); в последние годы редактировал переводы с японского рассказов Фумико Хаяси (изд. «Иностранная литература», 1960).

² См. об этом — Переписка, № 148.

³ Fiasco — бутылка для вина (итал.).

⁴ Рассказ «Иуда Искариот».

⁵ С. Ф. *Витютнева* (рожд. Цвилленева; 1850—ок. 1910) — фельдшерица-акушерка Ялтинской земской больницы. Участвовала в революционном движении. Находилась под негласным надзором полиции.

⁶ В Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится книга: Леонид Андреев. Жизнь человека. Представление в пяти картинах, с прологом. Berlin, Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow, 1907, с дарственной надписью: «Милой и хорошей Екатерине Павловне Пешковой искренне любящий Леонид Андреев. Капри. 21 января 07». Как сообщила Е. П. Пешкова, книга эта получена ею не была.

⁷ Зинаида Николаевна *Андреева*, сестра Андреева.

⁸ Встреча эта Андреева с Горьким произошла, по-видимому, 5/18 декабря 1914 г. (см. письмо Горького к Е. П. Пешковой: «Был у меня Леонид Андреев. Долго говорил, часов шесть вряду». — АГ. Личный архив Е. П. Пешковой).

3. И. А. БЕЛОУСОВ *

...Вскоре Горький привез на «Среду» еще одного молодого писателя с красивым энергичным лицом, с густыми, темными, зачесанными назад волосами, одетого в коричневый пиджак.

— Леонид Андреев,— рекомендую, талантливый,— коротко рекомендует Горький Андреева.

И Андреев сделался членом «Среды» и постоянным посетителем его собраний. Все свои произведения, написанные в первый период его деятельности, он прочитал на «Средах». Из судебного репортера газеты «Курьер» Андреев начал быстро вырастать в большого писателя. Первая книжка его рассказов не только обратила на себя внимание критиков, но произвела большой шум среди читателей (<...>)

Если Горький умел иногда бросить крылатую фразу, сделать краткую характеристику, то Андреев превосходил его в остроумии,— автор мрачных и «страшных» рассказов — в дружеской компании писателей был необыкновенно весел, находчив и остро словен: — он давал характеристики в целых рассказах. Больше всего от него доставалось Скитальцу.

Вот как Андреев рассказывал про пребывание Скитальца в Крыму:

«... Приехал я в Ялту, узнал, что там Скиталец, пошел навестить его; прихожу на дачу и вижу: в передней висит его енотовая шуба,— у Скитальца давно была мечта купить такую шубу, потому что все дьякона ходят в таких шубах;— зачем Скиталец привез на лето в Ялту шубу, одному ему было известно, только шуба как была повешена при приезде, так все лето на нее никто и не посмотрел, и ее всю съела моль. Я заметил и сказал об этом Скитальцу, посмотрел он и очень огорчился.

— Что же теперь делать? Вся шерсть вылезла, одна мездра осталась, пропала шуба!

А я его утешил и говорю:— Сходи в аптеку, купи мази для ращения волос, смажь мездру погуще,— вот и всё!» — И Андреев уверял, что Скиталец принял его совет за чистую правду.

И про многих других писателей Андреев рассказывал в этом же духе и подбадривал слушателей на веселое настроение; даже сам Горький поддавался этому и не прочь был иногда «промыть писателям косточки».

* Воспоминания № 3—12, 14—16 подготовлены к печати А. И. Наумовой.

Вспоминаю, как он проездом в Крым из Петербурга, откуда был административно выслан, заехал к Андрееву; собралась «Среда». Горького перед этим я не видал давно и нашел его немного похудевшим, но бодрым и веселым. За ужином он сидел рядом с Андреевым, который был в ударе — и шуткам, островам не было конца. Разговор коснулся женщин-писательниц.

АНДРЕЕВ С ЖЕНОЙ А. М. АНДРЕЕВОЙ

Фотография, Бутово, 1902 г.

Собрание В. Л. Андреева, Женева

— Мало среди них хороших,— серьезно и деловито говорил Горький, скрывая улыбку под светловато-рыжими усами,— они, видите ли, устроены так: внутри каждой из них есть такое зеркало, которое отражает только их самих; вот они смотрят в это зеркало и думают, что видят всю жизнь кругом, а видят-то они только самих себя,— это и описывают,— хорошего мало... Знаешь что, брат,— обратился он к Андрееву,— вот когда будет всемирная революция, давай устроим с тобой «Общество добрых друзей», наберем компанию хороших молодцов, научим их прикалывать этих самых писательниц и будем платить по целковому за штуку,— как какую приколлот,— получай рубль!..

— Ну, уж это ты слишком, теперь все говорят об эмансипации женщин,— возразил ему Андреев.

— Что ж, я про женщин ничего не говорю и против них ничего не имею,— ты меня не понял,— я говорю о писательницах! — глухо ответил Горький и уткнулся в свою тарелку.

Подзадоренный Андреев сейчас же начал о другом.

— А мне Бальмонт прислал письмо из Мексики, пишет об океане и называет его «нагло-нахальным»...

— Что ж, это мне нравится,— сказал Горький,— глупость это, мальчишество, а хорошо! Это, я думаю, так было: всю дорогу Бальмонта мучила морская болезнь, то есть вот как его перевернула за мое почтение; вышел он на берег, ноги расставил, глаза мутные, ничего не понимает. Увидал на берегу океана трактирчик,— на всех пристанях имеются трактирчики,— пошел, спросил себе полбутылочки коньяку, выпил, посмотрел в окна на океан и назвал его нагло-нахальным.

Помолчав, Горький добавил:

— А вообще Бальмонт — талантливый человек, и если бы из того, что им написано, выбрать небольшую книжечку,— это была бы штука!.. Хорошие у него есть стихи, полезные;— я вот недавно прочитал одно его стихотворение об Амстердаме и все узнал — и людей тамошних, и природу, словно сам побывал в Амстердаме. Полезный поэт! — не то серьезно, не то иронически закончил Горький¹.

— Бальмонт искусственно подбадривает себя,— заметил кто-то из сидящих за столом.

— Что же, человеку искусства без этого нельзя — вон Шаляпин рассказывал мне про солиста его императорского величества Фигнера² (Горький последнее слово произнес с тонкой иронией). Одна его поклонница подарила ему серебряную фляжку; знаменитый тенор думал-думал — что ему делать с этой фляжкой, и додумался: приделал к ней какую-то трубочку, наполнил фляжку кокаином, привесил ее к поясу и перед выходом на сцену пускал по трубочке в нос кокаин, выходил и здорово цел: «Куда, куда вы удалились...» Это, выходит, кокаинистый тенор — солист его императорского величества! — опять с иронией закончил Горький.

Но таким Горький бывал не часто;— в общем он всегда казался серьезным, деловитым,— это сказывалось и в его письмах — они всегда строги, обдуманно, а иногда даже впадают в поучительный тон. Зато письма Андреева — резкая противоположность письмам Горького — у Андреева в каждой строке сквозит юмор, ирония. Вот для примера письмо Андреева из Рима ко мне, касающееся Горького³:

«...Передай всем этим вольноотпущенникам и варварам, что я горд нынче, как Таршейская скала, прекрасен, как развалины бань Каракалы, непогрешим, как папа и Горький, умен, как поп Семен... По-итальянски я говорю, как Аванцо и Доциаро*, а по стройности — только кипарис может сравниться со мной, да и то не всякий...»

Заходил ко мне вчера здешний папа, ничего себе старик,— непогрешимый. Спрашиваю я его:— а кто из вас непогрешимее — вы или Горький? Он заплакал и сознался: прежде я был, а теперь Горький.— Да как же это вы, папенька, срейфили? — Да так, говорит,— до „Русского-то слова“ и я мог за себя постоять, а как теперь к непогрешимости Горького прибавилась непогрешимость Дорошевича,— так теперь против них разве устоишь? Хочу уж в „Русское слово“ корреспонденции из Рима давать, а то совсем обеспрестижусь...

— У кого же теперь,— спрашиваю,— ключи-то от царства небесного?

— Да всё у Горького же...

Совсем расстроился старик...»

Письмо шуточное, но в нем за шутками скрывается нечто иное, то, что знакомо каждому писателю, вступившему на верхние ступени славы, успеха...

* * *

...Автор мрачных и страшных рассказов и пьес — «Бездна», «Красный смех», «Черные маски», «Анатэма», «Царь голод» и др. <...> Л. Н. Андреев

* Аванцо и Доциаро — магазины художественных произведений в Москве.— *Прим. Белоусова.*

в дружеских беседах был необыкновенно жизнерадостен, весел и остро-словен. То же можно сказать и об его письмах, которые полны юмора, тонкого сарказма и метких характеристик.

Любил Андреев иногда своим приятелям посылать «фальшивки». Так, однажды я получил письмо, подписанное М. Горьким, по поводу моей книги «Дорогие места»⁴. В письме говорилось:

«Вы легко, надеюсь, поймете чувство глубокого негодования, которое вызвали во мне и в Луначарском⁵ ваши „Дорогие места“. Что такое? Под видом „дорогих мест“ вы даете одни только могилки: на обложке — могилка Шевченко, в тексте опять могилка — то того же Шевченко, то Толстого, то Антона Чехова... Вы занимаетесь гробокопательством, занятием весьма не почтенным и всего менее подобающим демократическому писателю... Позвольте мне искренне пожалеть о том чувстве извращенности, которое влечет вас и других русских современных писателей к могилкам...»

Все письмо написано на машинке, а подпись и Р. С. сделаны от руки почерком М. Горького:

«Жму вашу руку. М. Горький. Капри».

«Р. С. Настоящее письмо без моего ведома и желания сочинил Леонид Андреев, — даже подписал моим именем, что есть уж форменный подлог. Подлец! М. Г о р ь к и й»⁶.

Первый отрывок — из воспоминаний И. А. Белоусова «М. Горький, Леонид Андреев и Скиталец». Печатается по варианту. — АГ.

Второй отрывок — из статьи И. А. Белоусова «Шутки Л. Н. Андреева». — «Эхо», 1922, № 3, стр. 6—7.

¹ О стихотворении Бальмонта «Воспоминание о вечере в Амстердаме» Горький писал, приведя его полностью, в рецензии на сборник «Горящие здания»: «Хорошо это — как молитва ребенка, мудрый лепет чистой души, недоступный пониманию литературных будочников, кои, якобы охраняя заветы истинной поэзии, традиции Пушкина и прочие хорошие вещи, опошленные их прикосновением, — плюют во все стороны пахучей желчью своей бездарности...» («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября; М. Г о р ь к и й. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, стр. 43—47). Об отношении Горького к поэзии Бальмонта — см. также Переписка, прим. 2 к письму 140.

² Николай Николаевич *Фигнер* (1857—1919) — выдающийся оперный артист, тенор. С 1887 г. — солист Мариинского имп. театра в Петербурге.

³ Письмо это опубликовано Белоусовым во «Всемирной литературе», 1923, № 10; датировано 1911 г.

⁴ Дорогие места. Под редакцией И. А. Белоусова. М., 1913 (Бесплатное приложение к журн. «Путь» за 1913 г.).

⁵ Здесь Андреев в шуточной форме намекает на то, что Горький полностью солидаризировался с Луначарским в критике Андреева (см. Переписка, № 157).

⁶ Постскрипtum — автограф Горького.

4. А. С. СЕРАФИМОВИЧ

... В 1902 году разрешили переехать в Москву. Здесь, по приглашению Л. Андреева, стал работать в газете «Курьер». Познакомился с группой писателей (Горький, Бунин, Скиталец, Зайцев, Куприн и др.), которые тогда представляли лучшую часть русской литературы. По «Средам» эта литературная братия собиралась, читала свои вещи, обсуждала, критиковала. Эта товарищеская критика и указания имели огромное значение для роста каждого <...>

Я подошел к парадному квартиры писателя Андреева. Снег медленно садился на деревья, на белую улицу, на горевшие по-ночному фонари.

Никак не подыму руку, чтобы нажать кнопку звонка. Запущенные снегом окна длинного одноэтажного дома по-зимнему и загадочно светились. Тут жил Леонид Андреев, писательская звезда которого и слава неужи-